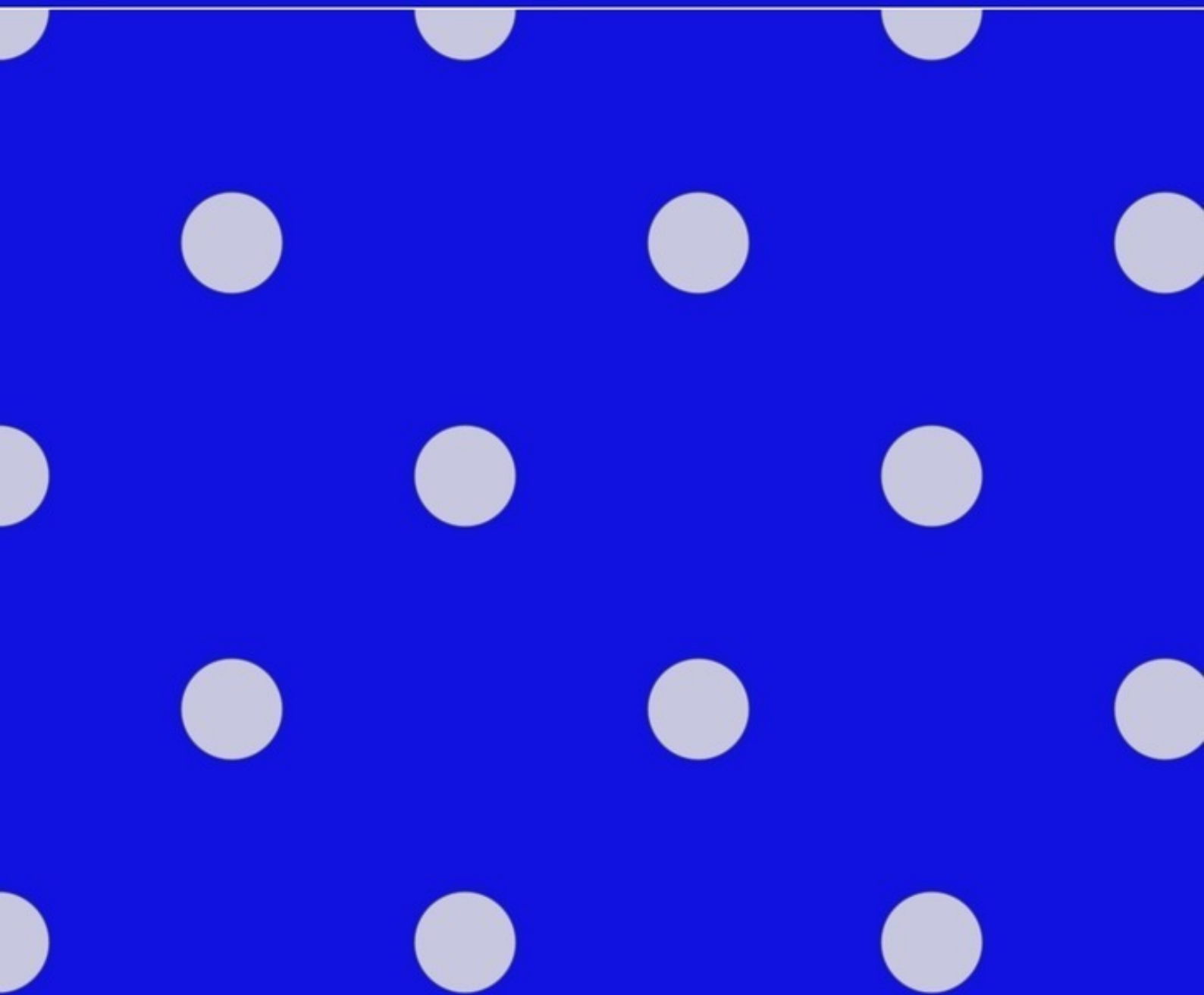

Руслан Бахарчиев

Страховщик

Руслан Бахарчиев

Страховщик

«Издательские решения»

Бахарчиев Р. С.

Страховщик / Р. С. Бахарчиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903948-4

Этот небольшой рассказ — есть протест безучастности, ода состраданию и гимн Человеку с большой буквы, истинному человеку.

ISBN 978-5-44-903948-4

© Бахарчиев Р. С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
ЧАСТЬ 2	7
ЧАСТЬ 3	9
ЧАСТЬ 4	10
ЧАСТЬ 5	11
ЧАСТЬ 6	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Страховщик

Руслан Сулумбекович Бахарчиев

© Руслан Сулумбекович Бахарчиев, 2018

ISBN 978-5-4490-3948-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

Я подумал, что нет ничего красивее падающего снега. И действительно это самое красивое, что есть в этой жизни. Сидя в кафе за столиком у панорамного окна, я разглядывал суетливых прохожих и любовался дружелюбным снегом. Именно в этот момент мне так хотелось жить и наслаждаться этой жизнью.

– Выбрали?

– Да, «Прагу» и чай.

На самом деле мне хотелось напиться, но все, что происходило за окном так умиляло меня и возвращало в детство, что я не мог отказать себе хоть немного окунуться в него.

Детство. Это слово крутилось в голове. Оно пробуждало во мне того, давно забытого в самом себе, забияку, задорного и нежного ребенка, каким я когда-то был. Как беззаботно ты было и как беспечны мы были, когда не понимали этого.

Официант принес заказ, любезно поинтересовавшись не желаю ли я чего-либо еще. Всё, что мне предстояло впереди делало их вкуснее. Впрочем, всё становилось лучше. Предновогодние нотки витали в настроениях улиц, в звуках, откуда бы они не исходили и в глазах горожан.

Утро было прекрасно. Прекрасно тем, что было темно, а люди только-только сбивались в стаи. Оно было угрюмым, свинцово-серым, но в тоже время прекрасным.

Ненависть к любому утру, в моем случае, было скорее правилом и только здесь, в этот час, в этот момент, в этом кафе моя душа обретала покой и успокоение.

Эта музыка из телевизора, висевшего под потолком, тесные к друг другу столики, посетители, всё это помогало немного позабыть о пустых и беспочвенных тревогах, которые терзали меня на протяжении последних лет.

Порой не хотелось отсюда уходить, но только до тех пор, пока солнце не начинало кричать и распугивать темноту раннего утра.

ЧАСТЬ 2

Оказавшись в офисе, я принимался за рутину этого бытия, которая так тяготила. Я точно для себя знал, что ненавижу свою работу. Я ненавидел этот запах кабинетного утра, эти улыбки и то, с какой радостью все приходили на рабочие места и начинали свой день.

Это была среднестатистическая страховая компания, где я был прилежным рядовым сотрудником, проработавшим ни первый год, но не видевшим никакой перспективы в том, чем занимаюсь. Нелюбовь к тем людям, с которыми была связана моя деятельность будь то мои начальники, коллеги или наши клиенты, граничила с социопатией.

Начиная рабочий день я уже ждал его окончания, вот только он злонамеренно тянулся очень долго. А когда наступал вечер, быть может только тогда я всем прощал их примитивность и их бездарность.

После окончания рабочего дня я всегда шел до ближайшего кафе, в котором я проводил каждое утро, сидел некоторое время за столиком, затем уходил домой.

Порой мне казалось, что вот-вот ко мне кто-то присядет и заговорит со мной, хотя я сторонился людей и потому этот «кто-то» предпочтительнее был выдуманным, был в моем сознании, но для меня реальным персонажем. Может показаться, что я сумасшедший, но нет. Я просто в один момент перестал доверять людям и не потому, что мне кто-то сделал что-то плохое, нет, я просто как будто бы разлюбил человека.

Каждый такой вечер единственный кто меня ждал, это была моя пустая маленькая квартира без кухни, которую я арендовал. Она была настолько маленькой, что даже мечты о большой счастливой семье не умещались в ней. Всегда чистая, минимум мебели, и каждый раз, когда мне нужно произнести слово «квартира», я хотел бы сказать «конура». В ней было всё необходимое, кроме пространства. На окнах висели тяжелые горохового цвета шторы, которые скрывали меня в минуты хандры от света дня. Стены были голыми, хотя я всегда хотел, чтобы в моей собственной квартире висели фотокартины. Диван-кровать, кресло, стол, стул, полка для книг, телевизор и весь этот минимум был способен заполнить эту конуру. Туалет был совмещен с ванной, кухни не было и поэтому можно было сказать, что это кухня-коридор. Общаться с людьми мне было сложно объясняться, потому, что для простоты общения я не называл вещи своими именами, ибо это было бы очень сложно, и это вызывало у меня дискомфорт, потому, что я как будто бы скрываю правду, например, когда я хотел сказать, что я вышел из ванной, которая, на самом деле, также туалет, и прошел в зал, хотя я на самом деле прошел в принципе в одну и ту же единственную комнату, а в целом всё это помещение с туалетом, ванной, кухней, коридором и было одной единственной комнатой, то я, как бы, лгал. И потому разговаривая с людьми по телефону, я больше старался описывать свои действия, чем перемещения, вместо мол «сейчас схожу в...» я говорю «сейчас возьму...» или «сейчас сделаю...» Даже такие мелочи усложняли эту жизнь, заставляя проводить её в вынужденном самообмане. Обман везде. Даже в сутках не 24 часа.

Та тишина, с которой встречала эта квартира была настолько жалкой, что, возможно меня охватывали панические атаки. Случалось, всегда спешить поскорее включить свет и своего единственного друга – телевизор. После чего комната обретала хоть какой-то признак жизни.

Она была для меня аллегорическим сравнением состояния смерти, а эта тишина – её метафорическим образом.

В ней мне не хотелось жить. Иногда я мог сползти с дивана и забиться в угол и мне хватало угла обзора моих глаз, чтобы обхватить ее взглядом полностью. Пребывание в ней было каким-то состоянием клинической смерти, пока я не покидал ее.

Раздался телефонный звонок.

– Алло?

– Привет. – бодро проговорил женский голос на той стороне. Это была мама.

– Да, мам, привет.

– Как твои дела? Как настроение?

– Все хорошо, мам, только вернулся с работы, планирую отдохнуть, как вы там?

– У нас всё замечательно. Твоя племянница не дает нам покоя! – засмеялась она.

– А как там Сафия – справился я о своей сестре – у неё всё хорошо?

– Да, да. Всё замечательно, я сейчас передам ей трубку.

– Привет, Виктор, как дела?

– Привет! Всё хорошо. Как там моя племяшка?

– О, не спрашивай! Весь день не дает покоя – рассмеялась она громко – Когда уже к нам заедешь?

– Пока не знаю, много работы – соврал я – но я постараюсь. Я постараюсь в ближайшее время – ответил я, пытаюсь говорить так, будто бы мой голос бодр и весел.

– Ладно, Виктор, до встречи, приезжай поскорее, мы все соскучились.

– Да, да, конечно. Целуй племяшку.

– Хорошо. Пока.

– Пока.

Я положил мобильник рядом. Мне стало как-то легче на душе и в то же время грустно.

На самом деле мне было очень жалко и себя и маму, и сестру, и ее маленькую дочь, потому что я ничего не мог им дать. Это убивало меня. Я чувствовал себя беспомощным и бесполезным. Эти мысли опять заставили меня себя жалеть.

Незаметно для себя я оказался возле холодильника, откуда вытянул открытую бутылку водки, газировку и вернулся ко столу перед телевизором.

Я опять пил, жалел себя, ненавидел и плакал. Мне казалось, что каждый мой день повторяется и я никогда из этого не выберусь.

ЧАСТЬ 3

Утром я проснулся раздраженным, как, впрочем, и всегда. Нежелание идти в офис, в это скопище лицемеров и счастливых лиц, было запредельным.

Ванна, туалет, несколько стаканов воды, сигарета, как всегда отсутствие аппетита и я готов идти.

Маршрут был тем же, утро было таким же. Только не было снега. Грязь, слякоть, гнетущее свинцовое небо, давящее на плечи и мокрая обувь.

Когда я подходил к дверям здания нашего офиса, сердце сжималось. Я проходил по лестницам, здоровался, ступал по коридорам и лишь одна мысль крутилась в голове «лишь бы больше никого не встретить и не улыбаться, и не здороваться, чтобы только не делать вид, что у меня всё отлично, также, как и у них, поскольку не любил притворяться.

Еще немного и вот я в своем рабочем кабинете. Большинство наших сотрудников держали двери своих кабинетов на распашку, я же предпочитал держать ее закрытой, только бы не соприкасаться с тем миром, что за ней.

Мне всегда сложно было приступить к работе. Я не мог приступить к этой чертовой работе, потому, что только и думал, что о своих близких, о своей жизни, о том, как господь мог бы уготовить мне другой удел, но отвел этот.

Это было невыносимо, но я хотел что-то изменить. Конечно уже наступила та пора, когда самому себе стоит признаться, что на большее ты не способен, но это только злило меня. Эта мысль оскверняла всё мое существование и оскорбляла моих близких в моих глазах. Где-то внутри себя я был мертв. Я слышал о Синдроме Катара, по смыслу которого, живой человек, убежден в том, что на самом деле он мёртв.

ЧАСТЬ 4

Это была пятница и после работы я позволил себе отправиться на этот раз в бар вместо привычного кафе.

Он встретил меня шумом, лязгом, шипением, звоном бокалов, громкой музыкой и всем тем, что сопутствует питейным заведениям. Всё это успокаивало меня, хотя, скорее всего, в большей степени меня успокаивала перспектива выпить и отрешиться от всех забот этого мира.

За барной стойкой одиноко сидел молодой мужчина и я подсел к нему. Мне было 40, ему, как мне показалось, немного меньше. Он выглядел задумчивым и тревожным. Заказав выпить, я расположился поудобнее за барной стойкой, безразличным взглядом окинул зал и отпив немного, заговорил со своим унылым соседом:

- Тяжелый день? – спросил я.
- Да, не из лёгких. – грустно ответил он.
- Виктор – представился я и протянул ему свою руку.
- Константин – ответил он на рукопожатие.

Константин был коротко стрижен, у него были темные волосы и его лоб украшали две огромных залысины, которые ничуть не портили его лица. У него было волевое лицо, я бы даже сказал мужественное. Подбородок обрамляла легкая щетина, которая бывает у мужчин, когда у них что-то случается. Глаза были карими и, наверное, прямоугольными, от которых шел прямой острый нос хищника.

– Вся жизнь такая – приуныв сказал я и еще раз отпил из своего стакана.

Скотч был хорош, мне сразу захотелось курить, но в заведениях нельзя было курить, и, чтобы немного сбросить ту тоску, которую на меня нагнал мой новоиспеченный знакомый, я вышел из-за барной стойки и направился выкурить сигарету на крыльце бара. К моему стыду, даже не зная, что его печалит, мне не было его жалко и я просто постарался поскорее забыть о нём.

Алкоголь стал действовать, а этот вечер, пусть холодный и некрасивый, показался мне приятным. В голове крутились какие-то мысли, но они не беспокоили меня. Я окинул своим взором город, и он показался мне таким своим, таким родным; мне захотелось вернуться в бар и еще раз выпить.

Мой сосед по стойке оставался на том же месте и с кем-то говорил по мобильному телефону. Как оказалось, его дочь тяжело больна и ему нужна непосильная для него сумма денег, чтобы осуществить операцию, в которой нуждалась его дочь, которых у него не было.

То ли алкоголь, то ли моя сентиментальная натура, то ли умение сострадать, пробудили во мне к нему чувство жалости и желание помочь, точнее этой маленькой девочке. Маленькой беспомощной девочке, которая ни в чем не виновата. Хотя, чем я мог ей помочь. Я сам был беспомощен.

Мне кажется мы оба горевали. Только моя боль была надуманным фарсом в отличии того, что происходило в жизни этого мужчины. Боже, бедная девочка.

– Константин, всё наладится, поверь мне – сказал я и похлопал его по плечу. Я действительно хотел поддержать его, произнеся эти слова.

– Угу – пробормотал он и кивнул головой.

К полуночи мы так надрались, что из бара выходили вынося друг друга. Помню, как поймали такси и разъехались по домам.

ЧАСТЬ 5

Проснувшись утром, я понял, что вчера перестарался. Несколько минут я лежал в кровати, не шевелясь и раздраженный элементами любого утра и той тишиной, которая им позволяла до меня дотянуться, размышлял.

«Боже, почему мы так бедны!» – пробежала первая мысль в голове – «Почему мы так зависимы и беспомощны, твою мать! Где моё государство, которое должно помогать нуждающимся, лечить больных детей! Почему я не могу в этом гребаном государстве найти достойную работу, достойную зарплату, чтобы элементарно обеспечить себя жильем. Твою мать!» – лилась череда скорее риторических вопросов и возможно даже беспочвенных, поскольку я допуская тот факт, что возможно вся вина просто во мне.

Я многого не понимал в этой жизни в свои сорок лет. Я не понимал почему дети умирают, хотя их можно спасти; почему народы голодают, когда еды предостаточно; не понимал почему существуют регионы, которые нуждаются в воде и люди этих регионов умирают от засухи, тогда, как воды в мире хватит на всех.

«Моя жизнь говно, а я маленькая ничтожная муха, которая сидит на этом говне».

Поразительно было и то, что эта никчёмная жизнь была застрахована в моей же компании на сто миллионов рублей. Господи, для чего?! Мне кажется только ради того, чтобы очередные беспринципные толстосумы, неспособные созидать, а только брать и лишать, обогатились.

Встав с кровати, я направился к своим брюкам, которые были небрежно брошены на спинке стула и стал выворачивать карманы, чтобы посмотреть, что у меня осталось из денег, которые в принципе были последними, поскольку заплата у меня задерживалась ненадолго. К моему неглубокому счастью я обнаружил сумму, которая помогла бы мне продержаться эти выходные.

Понимая, что сегодня суббота, а моя маленькая квартирка вгоняет меня в депрессию, тогда как мне и так плохо, я собрался и направился в тот же бар, где провел время вчера, чтобы «поправить» свое здоровье.

К моему удивлению и возможно даже небольшому удовольствию при входе в бар я угадал спину Константина, с которым познакомился вчера. Я подошел и, что мне несвойственно, приветливо обозначил ему, что это я, словами «Привет, Константин, неожиданная встреча!» и растянулся в улыбке. Улыбка быстро сошла с моего лица, когда он обернулся ко мне. По нему было видно, что он не спал, вид его был изнеможён, под глазами отчетливо вырисовывались черные впадины-синяки.

– Привет, Виктор – грустно ответил он.

– Прости, что случилось? – аккуратно спросил я, стоя рядом и не спеша присаживаться.

– Дочь, Виктор, моя дочь. Ей хуже с каждым днем, а я ничего не могу поделать. Она умирает, Виктор – и он посмотрел на меня глазами, которые были переполнены отчаяния, как те, которые я видел в мультиках у персонажей, которых мне было жалко.

– Господи. Мне... – я так не хотел произносить этот штамп, этот лицемерный, лживый штамп, но я не знал, что еще сказать – ... мне очень жаль.

Мне жутко захотелось убежать от него подальше, из этого места, поскорее позвонить маме, сестре, услышать племянницу, сказать им, что я их люблю, узнать, как у них дела, пригласиться домой и смыть этот фрагмент утра горячей водой, мылом, алкоголем, только лишь бы больше вообще не вспоминать о Константине и всём том, что происходит в его жизни. У меня у самого хватало забот.

Как только я вышел за порог бара, достал свой телефон и набрал маму:

– Алло – ответила она.

– Мам, привет, как дела, как самочувствие, как все? – даже радостно спросил я.

– Всё отлично, как же иначе. – бодро ответила мама.

В этот момент мне так полегчало. Мне стало радостно и настроение мое приподнялось, но где-то в подкорке своего мозга я думал и стыдился о той девочке, которая умирала.

– Ты сегодня в хорошем настроении – продолжала она – я рада этому, когда заедешь? В одном городе ведь живем!

– Обязательно заеду, обязательно – решительно ответил я – Передавай Сафии привет, целуй племяшку и крепко обнимай от меня! Не скучайте там!

– Так точно – ответила она и засмеялась.

Этот разговор переполнил меня добрыми трогательными чувствами. Мне совершенно не захотелось возвратиться обратно в этот бар, и я, даже не попрощавшись, направился домой. Мне стало стыдно, что я так поступил, но я надеялся, что больше все-таки никогда не встречу Константина и мне не придется оправдываться перед ним почему я так поступил.

ЧАСТЬ 6

Это был вечер всё той же субботы, я любил субботы и несмотря на то, что я все дни чувствовал себя несчастным, то в вечер этого дня, я почему-то чувствовал себя как-то иначе, я бы назвал это «лучше».

Удобно расположившись на диване, я пил чай, ел какие-то печенья и смотрел какую-то непринужденную передачу по телевизору.

Позже я еще раз позвонил маме, и мы долго мечтали, подбадривали друг друга, говорили о том, как наши дела пойдут в гору, что я найду хорошую работу, а она сможет колесить по миру; о том, что сестра не будет ни в чем нуждаться, а моя маленькая и любимая племянница вырастит в семье, которая может дать ей все. Мы распрощались на позитивной ноте, сговорившись созвониться завтра.

После этих разговоров и всего того, что мы обсуждали и мечтали, после того как я положил трубку, я почувствовал себя каким-то опустошенным. Так, как будто бы я только что сглазил все наши мечты. Я хотел верить и, видит Бог, я ни раз заставлял себя верить в перемены, но с каждым годом всё тусклее и тусклее во мне горела эта свеча надежды. Мамины мечты. Как бы я хотел быть тем сыном, который может их реализовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.